

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Проблемы этической теории и нравственных отношений

Развитие этики: панорама идей

А. И. ТИТАРЕНКО (зав. отделом этики и научного атеизма журнала «Вопросы философии»). **Вступительное слово.** Убыстренное течение исторического времени последних десятилетий связало в один сложный тугой узел нравственное и социальное бытие человека. Пожалуй, никогда еще не были они так взаимопроникновенны и взаимозависимы друг от друга, как сейчас. Об этом говорят процессы, происходящие и непосредственно в нравственном сознании народа, и сам смысл проблем социально-экономической его жизни. В последние десятилетия и художественная литература во многих своих произведениях с большой — зачастую даже с трагической и исключительной искренностью — силой зафиксировала факт обостренного внимания людей к вопросам морали: к «вечным проблемам» — о смысле жизни, счастье, смерти, бессмертии и к «повседневным» — доброте и порядочности, деловитости, честности и т. д. Моральное самочувствие человека ныне выступает как чуткий показатель биения пульса его социальной жизнедеятельности. Об этом свидетельствует, в частности, и то обостренное, иногда тревожное значение, которое приобрело взаимоотношение экономики и морали в социалистическом обществе. Недаром на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, во всех последующих решениях партии было обращено особое внимание на недопустимость искажения основного принципа распределения при социализме — «от каждого по способности — каждому по труду», разрыва слов и дела, — какими бы сложностями и трудностями в работе хозяйственного механизма они ни объяснялись. Нравственные последствия таких искажений трудно измерить в рублях и еще трудней ликвидировать тогда, когда они становятся привычными, выступающая тормозом на пути продвижения социализма вперед.

Формирование нового человека неотделимо от нравственных исканий и связанных с ними противоречий. Идет сложный процесс перерастания сегодняшних реальных нравов в мораль будущего коммуни-

стического общества, где одновременно с успехами в социально-экономической и культурной областях жизни появляются новые, нередко трудные моральные проблемы. По мере продвижения вперед нашего общества становятся все более нетерпимыми такие враждебные делу развития социалистического образа жизни явления, как стяжательство и бюрократизм, пьянство и хулиганство, тунеядство и взяточничество.

Несомненно, что формирование моральных качеств человека в нашем обществе происходит не только под влиянием достижений, но и под воздействием трудностей роста и недостатков, упущений в организаторской, хозяйственной, воспитательной работе. Как справедливо отмечал на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС тов. К. У. Черненко, было бы «неправильно видеть во всех этих уродливых явлениях... одни лишь «пережитки прошлого» в сознании и поведении людей. Причины многих из этих болячек следует искать и в сегодняшней практике, в просчетах тех или иных работников, в реальных проблемах и трудностях нашего развития, в недостатках воспитательной деятельности»¹.

Сама идейно-воспитательная работа, как подчеркивается в решениях партии, может быть эффективной лишь на прочном фундаменте социально-экономической политики, в тесном слиянии с политической, организаторской и хозяйственной деятельностью. Именно здесь точка приложения всех творческих сил такого отряда советских философов, какими выступают специалисты в области этики, тот комплекс современных задач, который составляет подлинный арсенал возможностей развития советской этической науки. Ведь весь процесс поступательного развития социализма не может быть достаточно успешным, если не осуществляется предельное

¹ «Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.», М., 1983, стр. 38.

соответствие между субъективными и объективными факторами этого развития, эффективная гармонизация ценностей-целей социалистического движения вперед с их воплощением в реальных правах. Эта проблема, по нашему мнению, является одним из лейтмотивов, пронизывающим все материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и последующие решения партии. В этом смысле вопросы нравственно-психологические и собственно этические не случайно оказываются в центре внимания: это одно из свидетельств творческого подхода партии к насущным, выдвигаемым самой жизнью задачам развития нашего общества, своевременный отклик на новые запросы в деле совершенствования социалистического образа жизни. Как отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, ныне особенно ясно видно, какой вред приносят упущения в идеологической, идейно-воспитательной работе, та «...недостаточная зрелость сознания людей, когда она имеет место»², и, наоборот, как возрастают темпы продвижения нашего общества во всех областях коммунистического строительства, когда налицо полноценное идеологическое, надежное нравственно-психологическое обеспечение этого продвижения.

Вместе с тем можно, вероятно, отметить, что в отношении понимания роли морали как фактора развития социалистического общества до сих пор допускались определенные упрощения или преувеличения. Морализаторство — то самое «морализаторство фразы», против которого всегда боролись основоположники марксизма-ленинизма, — все еще не изжито в идейно-воспитательной работе и, более того, не дает возможности верно понять подлинное значение нравственности в жизнедеятельности народа. Забегание вперед, сглаживание трудностей и нерешенных проблем сопровождается, как правило, и интенсивным морализаторством, где высокие принципы и нормы обращаются в декларацию, а нередко — в прикрытия разрыва слова и дела, воспитывая своеобразную «двойную бухгалтерию» — реального состояния дел, поведения и провозглашаемых лозунгов и норм. Нетерпимость подобного рода использования высоких принципов нашей морали с особой силой подчеркнута на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС. Последствия подобного морализаторства не только экономические, но и идейно-нравственные. Ведь это и проблема нравственной надежности и гражданской ответственности труженика социалистического общества.

Другим, казалось бы, противоположным упрощением в понимании роли морали является представление о ее автоматическом следовании за успехами социально-экономической жизни. Это — представление, которое связано с вулгаризацией исторического материализма, грубой недооценкой роли субъективного фактора в развитии социализма. Ведь даже самые высокие успехи в экономической и социальной областях, если они не приводят к нравственному возвышению людей, могут сопровождаться перекосами, так называемыми «нажитками» (В. Г. Афанасьев) в сознании и поведении, болезненно искажающими социалистический образ жизни. Так, рост материального благосостояния — эта материальная база развития нового человека — при неадекватном духовно-культурном процессе может вести и к рецидивам «неостязательства», «этике» потребительства. Сам по себе рост фонда общественного потребления (одно из гуманных завоеваний социализма) в случае формального его использования может вести к появлению настроений беспечности и иждивенчества, т. е. к своеобразному паразитированию на гуманизме строя социализма.

«Преобразуя условия жизни людей, необходимо в то же время делать все для их идейно-нравственного возвышения, — подчеркнул в своей речи на встрече с избирателями 2 марта 1984 года К. У. Черненко. — Ясно, что без большой работы по духовному развитию людей, их социалистическому воспитанию с задачами совершенствования зрелого социализма не справиться»³. Совершенствование же это предполагает возвышение потребностей личности, укрепление нравственных основ ее жизнедеятельности, т. е. моральное совершенствование. Как представление о некоем автоматизме нравственного прогресса, так и стремление прикрыть реальные недостатки и трудности мнимой «апелляцией» к высоким установкам социалистической морали — оба эти подхода к моральному фактору, несмотря на их кажущуюся противоположность, в действительности означают одно и то же: принижение, непонимание роли этого фактора.

И еще об одном, очень привычном и укоренившемся в средствах массовой информации взгляде на мораль. Почему-то, когда говорят и пишут о нравственно-психологических достоинствах человека, обычно внимание сосредоточивается на обеспечиваемых ими результатах — хозяйственных, социальных и т. д. Конечно, результат, достигнутый (опираясь на мо-

² «Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.», стр. 5.

³ «Коммунист», 1984, № 4, стр. 7.

ральную «надежность», активность) личностью, — важнейший критерий моральности поведения. Марксисты всегда были против морали «заоблачной», моральности грез и мечтаний, не смеющей воплощаться в поступках. Но они так же, как никто другой, были против утилитаристского подхода к нравственности, против однобокой, вульгарной оценки значения моральных ценностей в жизни личности, класса, общества. И в марксистско-ленинской философии, этике в особенности, в полной мере представлен специфический угол зрения оценки нравственности как самоценности. В этой самоценности ярко и полно отражается кардинальная гуманистическая направленность всего коммунистического мировоззрения — и в плане отношения к человеку как высшей ценности, и в понимании той «гуманистической заданности» истории, которую выявили и утвердили в ней многие поколения борцов за лучшее, справедливое устройство жизни — коммунизм. Самоценность нравственности не только в относительной самостоятельности ее развития, которую нельзя просто «свести» к каким-либо иным процессам. Мораль играет особую роль в обеспечении и охране самой ценности человеческого бытия вообще, она незаменима в деле обеспечения здорового нравственно-психологического самочувствия человека как творца истории. Недооценка этой ее незаменимости может оборачиваться серьезными упущениями во всем идейно-нравственном, духовном процессе жизни.

Этика — философская наука о морали, приобретающая сейчас все более весомое значение, развивающаяся интенсивно вглубь и экстенсивно вширь. Однако надо признать, что советские этики еще в долгу перед общественностью за решение многих злободневных проблем, за связь своих исследований с жизнью. Конечно, возлагать на специалистов-этиков (к тому же это лишь самый малочисленный «отряд» философов) решение всех отмеченных выше многоплановых задач было бы нелепо — они решаются лишь в комплексе. Но этика может и должна внести в этот процесс свой творческий вклад. Материалы дискуссии о предмете и структуре этики, опубликованные в журнале («Вопросы философии», 1982, № 2), собственно говоря, и поставили важнейшие проблемы — о связи этики с жизнью, с данными смежных наук, перспективах ее развития, совершенствования ее структуры, отвечающей современным задачам. Многочисленные отклики на дискуссии, в том числе авторитетных специалистов из самых различных регионов страны, проходили затем уже под знаком осмысле-

ния материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и потому позволили более конкретно очертить то, что мы условно называем «панорамой идей» о развитии советской этики. Публикуемые этические заметки даются в крайне сжатом, насыщенном в смысловом отношении виде, что и позволяет сконцентрировать внимание на узловых проблемах, наметить, пусть штрихами, общую картину состояния и перспектив этических исследований в стране.

Все поступившие в редакцию материалы можно было бы с известным приближением разделить на несколько концептуально-смысловых групп.

К первой следует отнести те отклики, где непосредственно ставятся вопросы, которые поднимались на страницах журнала в 1982 г.: каков предмет этики? какова ее структура? какими путями или способами этика прямо связывается с жизнью, может воздействовать на реальные нравственные процессы? Здесь при всех различиях в позициях, оттенках во мнениях просматривается та же основная альтернатива, что и в дискуссии. Одни считают, что связь этики с жизнью, и особенно укрепление этой связи в свете современных задач развития социалистического общества, обеспечивается ее специальными подразделениями (типа предполагаемого «моралеведения»). Другие же, напротив, считают, что этика в своей традиционно-целостной форме всегда имела (реализуя или не реализуя эту возможность — это другой вопрос) свойство мощно воздействовать на реальные нравы и развитие морального сознания. Как мы видим, и те и другие авторы заняты, в сущности, одним ключевым вопросом, поставленным жизнью и отраженным в решениях июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС: как приблизить теоретические научные разработки к процессу их ускоренной реализации. Надо сказать, что расхождение между позициями, несмотря на их кажущуюся непримиримость, в незначительной мере внешнее. Ведь теоретическая этика может давать такие результаты, которые непосредственно, в плане нормативном, ближе и более значимы для нравственной жизни людей, чем эмпирические разработки, а так называемая эмпирическая этика в силу ряда специфических зависимостей ее от реального, конкретного материала может порождать мифы, иллюзии, облаченные в псевдонаучную фразеологию, но в действительности лишь повторяющие расхожие предрассудки обыденного сознания. С другой стороны, и это особенно важно в наши дни, конкретно-прикладные стороны этики — если они подкрепляются эффективной методологией

подхода к реалиям морали и одновременно набором отработанных приемов преобразования нравственного сознания и поведения — могут иметь такие особые связи с практикой, которыми в силу опять-таки своих специфических методов теоретическая этика не обладает. Иначе говоря, процесс развития как науки о морали, так и самой морали проходит различные этапы, «отлетая» в сферу абстракции и вновь (одновременно!) возвращаясь (причем разными путями, в зависимости от исторической ситуации) к реалиям нравственной жизни. Высвечивая разные моменты этого процесса, авторы в действительности совместно работают в одном направлении: создания единой, многосторонней, многоуровневой этики как науки.

К первой группе откликов тесно примыкает вторая, где авторы акцентируют внимание на традиционных вопросах, необходимости их разработки, видя в этом важнейшую перспективу связи этики с жизнью. Особое место здесь занимают так называемые «вечные» вопросы (о смысле жизни, гуманности, добре и зле, счастье, старости, здоровье, смерти, бессмертии и т. п.). Тот факт, что в современном моральном сознании эти вопросы ощущаются как злободневные, что с ними связаны моральные искания (следовательно, и реальное поведение) многих людей, по нашему мнению, несомненен. Следует также признать, что этика не удовлетворяет сегодня этот существенный запрос социалистического общественного сознания. Отсюда — поиски различных вечных «абсолютов», «эликсиров» любви и т. д., к которым, откликаясь на этот запрос, прибегают массовая публицистика, отдельные психологи, социологи и т. д. И было бы, разумеется, нелепо отвергать эти «опыты» в «около-этическом» пространстве заранее как дилетантство. Дело в том, что эти «вечные» вопросы каждое поколение решает по-своему, по особой мерке времени, отражая те устои нравственной жизни, которые, воспроизводясь, выступают как безусловные нормы и запреты, т. е. «истинные» и «вечные». Кроме того, моральная императивность — и в этом ее особенность — носит в психологическом отношении «абсолютный», непреложный характер для личности, получая в конечном счете законченное нравственное выражение в формуле сознания и поведения: «Не могу иначе». Диалектика абсолютного и относительного, которую раскрывает марксистская этика в историческом развитии нравственности, может служить здесь важным методологическим обеспечением действительно творческого и действительно адекватного историческим перспективам развития социализма, решения этих волнующих проблем.

Третью группу составляют, пожалуй, материалы, имеющие методологический характер и намечающие основные концептуальные пути и способы развития этики как науки. Особую важность этих материалов нельзя недооценить: именно методологическая необеспеченность изучения реальных нравов этикой, в которой до сих пор еще зачастую пользуются лишь «старинными» способами — интроспекцией, саморефлексией, нравоучительным постулированием, чисто категориальным решением проблем и т. п., — именно эта необеспеченность обуславливает ее коренные слабости. Здесь надо иметь в виду также то, что этика в ряду родственных философских дисциплин не имеет столь надежной и столь важной эмпирической базы, в виде определенных, конкретных культурно-исторических институтов (у эстетики это искусство во всем многообразии его видов и изучающих их наук, у атеизма — религиозные учреждения, обрядность и т. п.). Этике, так сказать, «напрямую» приходится решать весьма многозначные проблемы изучения столь «интимно-тонкого» предмета, как нравственность.

Многочисленные заметки, которые возможно обозначить как следующую — четвертую группу, посвящены наиболее острым идейно-воспитательным задачам, а также новым проблемам, которые требуют в наше время особого внимания. Это и борьба с индивидуализмом и соответствующими ему мировоззренческими построениями, диалектика сущего и должного в свете нравственного идеала, предвосхищение будущего моральным сознанием и т. п. К новым проблемам следует, вероятно, отнести вопросы о нравственном течении времени и самочувствии личности, современном понимании ценности здоровья и ответственности за его использование, особых моральных «координатах» общения в условиях социализма, формировании новой структуры нравственных качеств социалистической личности и др.

Истории этической мысли и критике современных немарксистских этических концепций посвящена особая часть заметок, которой и завершается настоящая публикация.

Конечно, предлагаемая вниманию читателей «панорама» проблем и идей не исчерпывает всех сторон и задач современных этических исследований: здесь что-то опущено как нечто само собой разумеющееся, что-то уже делается достаточно широко и активно (нельзя не назвать авторов книг, которые вышли совсем недавно: Д. С. Авраамов, В. И. Бакштановский, З. А. Берешкина, В. А. Васильенко, А. А. Гусейнов, В. И. Добрынина, Е. Г.

Акмамбетов, Л. М. Архангельский, И. М. Бичанова, В. П. Кобляков, И. С. Кон, В. С. Пазенок, В. Н. Сагатовский, Ю. М. Смоленцев, В. Г. Иванов, И. Т. Фролов, О. П. Целикова, К. А. Шварцман, В. Н. Шердаков, В. А. Ядов и др.).

Вместе с тем сама методология марксистского исследования требует от нас, философов, самокритичности и ясного понимания трудностей и пробелов в исследованиях. Основания для такой критической самооценки состояния нацеленности этических разработок дают и материалы «панорамы». Думается, не случайно в этих заметках столь слабо очерчена задача изучения негативных нравственных явлений, отклоняющегося поведения. Многие этики чураются до сих пор этой тематики, предпочитают восхвалять несомненные достоинства социалистической нравственности. Многие из недосказанного в области методологии исследований также свидетельствует о продолжающемся застое в разработке ряда актуальных проблем — аксиологического метода анализа и «расшифровки» моральных ценностей в социалистической культуре, применения принципа историзма и использования изучения нравов в их историческом сравнении для определения реальных перспектив развития социалистической морали, выделения ее ведущих идейно-воспитательных моментов, ныне складывающихся в сознании и поведении народа и др. Конечно, эти критические замечания можно было бы и продолжить. Однако главное — это взглянуть на ту «панораму» идей, которая уже существует, волнуя сегодня советскую этическую мысль.

Отдел этики журнала благодарит всех товарищей, приславших свои заметки, которые по необходимости публикуются в крайне сжатом, сокращенном виде.

Выступления участников дискуссии

В. Н. САГАТОВСКИЙ (Симферополь). Вопрос о соотношении этики как философской науки и особой комплексной дисциплины — моралеведения может быть удовлетворительно решен только в свете определенных представлений о структуре человеческого знания в целом. Эта структура может быть представлена в виде пирамиды, нижним уровнем которой являются нормативно-технологические знания, содержащие «рецепты» деятельности (как действовать с объектом?), затем следует уровень эмпирико-дескриптивный (что такое объект?), далее — уровень теоретический (почему объект таков?) и, наконец, мировоззренческий (во имя чего мы познаем и преобразуем объект?). Системообразующими элементами этих уровней будут

соответственно проекты (нормативные предписания должного), эмпирические и теоретические знания и ценности (смыслы деятельности). Этика как целостная наука о морали и нравственности должна содержать в себе все эти уровни. На наш взгляд, это можно представить так. На мировоззренческом уровне этика предстает как философская наука. Философия в целом есть категориальная рефлексия и обоснование мировоззрения, исходной клеточкой которой является система универсальных аспектов субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений

$$/C < \begin{matrix} C \\ O \end{matrix} /.$$

Каждый из этих аспектов выражает сущностные силы человека, фиксируемые ключевыми ценностями человеческой деятельности. Задача философской этики — понять мораль и нравственность именно в системе С — О — С отношений, на их высшем уровне — субъектно-субъектных отношений, ориентированных соответственно на ценности долга и добра. Философская этика должна четко задать предмет и стратегические ориентиры построения системы этических знаний в целом, от нее надо не уйти, переходя на следующие уровни, но именно перейти, сохраняя как стратегический инвариант на всех последующих уровнях. На эмпирико-теоретическом уровне (дескриптивная и теоретическая этика) этика уже не может оставаться чисто философской наукой, поскольку мораль и нравственность высвечиваются здесь не только в ценностно-мировоззренческом аспекте, но и через конкретные социологические и психологические проявления и механизмы. Но такой переход должен быть не позитивистским отказом от философского ядра, но кристаллизацией на его основе. Далее, нормативная этика также должна сохранить философскую культуру как основу этического проектирования и в то же время, в еще большей степени, чем на предыдущем уровне, идти на этическую «ассимиляцию» социолого-психологических и педагогических знаний, особенно при выяснении условий внедрения, реальной приживаемости моральных нормативов. Именно это выяснение есть необходимое методологическое условие эффективного участия этики в решении задач, очерченных на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС и в речи тов. К. У. Черненко на встрече с избирателями Куйбышевского избирательного округа 2 марта 1984 г.

Таким образом, этика воспроизводит структуру нравственной деятельности от ее ценностного основания, через теоретическое обоснование и до нормативных предписаний. Разумеется, под деятельностью

здесь понимается не бихевиористская система внешне наблюдаемых действий, но целостная система специфически человеческого отношения к миру, которому имманентно сознание и продуктом (а также предпосылкой) которой является объективная система общественных отношений.

В. А. ТИТОВ. Полемика вокруг моралеведения четко обозначила реально существующую проблему: разрыв между концептуальными построениями этики и практикой моральной жизни. С известной долей упрощения можно сказать, что этика развивается под флагом «должного», а практика нравственных отношений под флагом «сущего». Конечно, этот разрыв не нов и в истории этики и в истории нравов. И если бы была некая предустановленная мера допустимого, «зазор» между должным и сущим, гарантирующая определенную меру соответствия, то это мог бы быть «нормальный» вариант развития этики и совершенствования нравственной жизни. Гармония должного и сущего могла бы быть тогда обеспечена разумной волей нравственного субъекта, способного перенести себя «в совершенно другой мир, чем мир его чувственных влечений»⁴, в мир умопостигаемого, где притягательная сила идеи должного становится действенным мотивом поведения. Однако даже для Канта все это казалось сродни чуду, недоступному человеческому пониманию. То, что было чудом для Канта, не потеряло своей таинственности и в наши дни. Упование на самоочевидность нравственных ценностей (неких «Абсолютов»), на непосредственную притягательную силу морального идеала наивно, а такое толкование «практической философии» неизбежно заканчивается морализаторством. Более того, подхваченное потоком логической непротиворечивости и интуитивной очевидности, концептуальное построение должного может все более отдаляться от эмпирии жизни и начать самостоятельное парение над бренной землей со всеми ее житейскими тревожностями. Если еще моральные предписания получают статус «научно истинных», то рождается иллюзия чуть ли не естественного и заурядного их воплощения в практике нравственных отношений. Следствием этого являются те рекомендации по решению конкретных вопросов нравственного воспитания, которые осуществляются «чисто» философскими средствами этики. Авторы таких проектов «приземления» этики в пафосе своего рвения помочь практике как-то упускают из виду, что при этом методологические понятия этики становят-

ся методическими рекомендациями, а заключенное в них абстрактно-общее содержание обретает свою реальность в единичном конкретном индивиду.

Причина такого упрощенного перехода от высших этажей этики к фактам нравственной жизни заключается, в частности, в том, что познавательная функция морали рассматривается аналогично науке. В науке теоретическое положение получает путевку в жизнь, если оно отвечает канонам логической истины. В этике несколько другая картина. Моральные нормы выступают как задачи, как то, что претендует на реальность. Они «значимы», и, следовательно, их судьба заключена не в них самих, а в деятельности людей по реализации этих предписаний. Здесь открывается огромная сфера опосредования моральных норм, которая не может быть решена сугубо этическими средствами и нуждается в привлечении всего комплекса знаний о человеке. В этом случае может быть найдена необходимая мера соответствия идеальных устремлений морали реальной практике нравственной жизни и тем самым решена одна из фундаментальных проблем этики — переход от сущего к должному — и раскрыт сложный механизм воплощения должного в сущем.

Н. Д. ЗОТОВ (Тюмень). Содержание предписаний нашего нравственного «я» в конечном счете социально-исторически обусловлено, задано, но во внутриличностном измерении моральная ответственность принимает форму соответствия устоям собственного морального «я».

Нравственная активность личности в ее практически-поведенческой фазе есть новый вид личностной активности, выступающей как с а м о о п р е д е л е н и е. В этом смысле источник моральности находится в самом субъекте, в его активности. Моральное повеление приходит не извне, не в виде только соответствия внешней санкции, а возникает прежде всего как самоповеление, веление внутреннего морального «я», в виде непреложно заявляющих о себе чувств долга, совести и достоинства.

Моральное самоопределение принципиально отлично от деятельности операционно-предметной и от других видов поведенческой активности. Конечно, нравственный аспект присутствует во всех формах поведенческой активности, но при этом везде он представлен специфической активностью, направленной на определение самого субъекта поведения в отношении к требованиям морали. Сфера моральных целей-результатов — это и особая сфера внутриличностных состояний субъекта. В морали индивид самоопределяется в том,

⁴ И. Кант. Соч., т. 4, ч. I, стр. 299.

каким ему следует быть нравственно, в том, что он как нравственное существо (то есть как ориентирующийся на моральные требования, как сверяющий с ними все свои действия) может (должен) себе в данном конкретном (правовом, политическом, бытовом и т. д.) действии позволить, разрешить, предписать, а что — запретить. В других видах поведенческой активности момент самоопределения аксиологически подчинен внешней цели действия, он как бы сразу непосредственно слит с ним. В морали аксиологически главной целью выступает сам субъект поведения, и самоопределение как определение себя в отношении к нравственным требованиям ни в какой момент поведенческого действия не утрачивает своей актуальности и непосредственной морально-психологической автономии (в этом отношении марксистская этика решительно отличается от утилитаризма, к которому ее пытаются свести буржуазные критики). В ситуациях, имеющих моральное значение, индивид все время, каждое мгновение «выбирает» себя в качестве субъекта нравственности так и м-т о и так и м-т о и тем самым самоопределяется. Во временном и реально-поведенческом смысле слитно с процессом морального самоопределения протекают правовое, политическое и др. действия субъекта, направленные на соответствующие им цели-результаты. Нравственно самоопределяясь, субъект постоянно контролирует моральное качество его внутриличностных состояний, состояний сознания, чувств и воли, моральность целенаправленного и целосо осуществления. Процесс морального самоопределения есть по своей природе духовно-практический. Исследование его требует применения средств этики как философской теории, а также средств методологии этического анализа и должно содействовать ответу на вопрос об онтологическом статусе морального деяния (вопрос этот, на наш взгляд, продолжает оставаться теоретически остроактуальным).

М. С. НАГАН (Ленинград). В современной этике не хватает, как мне представляется, теоретической разработки исходного пункта объяснения и обоснования самого существования морали в человеческом обществе. Этот пробел сделал возможным появление выдвинутой генетиками гипотезы о биологических корнях альтруизма как коренного нравственного принципа, и он же не позволил специалистам в области этики достаточно убедительно опровергнуть данную гипотезу. Причиной этого пробела является, по-видимому, неразработанность в нашей философии проблемы связи морали и человеческого общения, а также са-

мой теории общения. Все это привело к неразличению общения как коммуникации, к трактовке общения как обмена информацией, к представлению о наличии общения — идентичного человеческому — у животных, к перенесению понятия «общение» на связь человека с машиной, которое будто бы становится возможным на нынешнем этапе научно-технического прогресса, к попыткам оспорить выдвинутое в нашей философской литературе понимание общения как межсубъектного взаимодействия, наконец, к явной недооценке концепции общения, активно разрабатываемой в буржуазной философии (начиная с Ф. Шлейермахера и кончая представителями антропологической философии, персонализма и экзистенциализма в XX веке — М. Шеллером, М. Бубером, Г. Марселем, К. Ясперсом и др.).

Дело в том, что в учении об общественной жизни людей, сформулированном К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии», была выявлена двусторонность человеческой деятельности — ее направленность на преобразование природы и развертывание в ней взаимоотношений между действующими индивидами. Это последнее на философском языке именуется межсубъектным взаимодействием, т. е. в иных ситуациях, в которых один человек выступает в качестве объекта для другого — объекта изменения или познания, — он оказывается приравненным к любым другим объектам, к природным явлениям. Между тем субъектно-субъектное отношение, включающее в себя те или иные объекты лишь как предметы, средства, продукты совместной деятельности, предполагает практическое, материальное, а затем уже и осознаваемое, духовное отношение одного субъекта деятельности к другому как к равному, равно активному и свободному в выборе целей и способов деятельности, сознательному, а значит — в конечном счете — у н и к а л ь н о м у существу. Именно этими признаками человеческая деятельность отличается от коллективных действий животных, которые необходимо включают в себя те или иные моменты коммуникации, обмена информацией, взаимопомощи (П. Кропоткин), но не поднимаются на уровень межсубъектных контактов, то есть общения.

Но отсюда следует, что духовное отношение человека к человеку как к субъекту, а не объекту (предмету, средству, продукту), порождаемое практическим взаимодействием людей в разнообразных актах совместной деятельности, отражающим это взаимодействие и регулирующее соответствующим образом их поведение, и становится нравственным отношением. Именно оно вызывает к жизни мораль как форму

общественного сознания, а затем и этику как философскую теорию морали. Нравственное отношение может быть, следовательно, осмыслено как имманентное общению — но не тождественное коммуникации как информационному процессу — отношение между людьми как субъектами совместной деятельности, равно друг другу необходимыми, признающими друг друга свободными в выборе поведения и уважающими это право, а тем самым стремящимися к достижению возможно более высокой степени общности, практической и духовной, при сохранении каждым его неповторимости, незаменимости, уникальности. Вот почему дружба с ее духовными стимулами — потребностью в другом, взаимным уважением, любовью (симпатией и эмпатией) — является идеальной формой общения людей (см. работы Кона И.) и одновременно идеальной моделью нравственных отношений.

И. К. ПАНТИН. Моральное сознание включает в себя как отношение к объектам, к окружающему природному и созданному человеком предметному миру, так и отношение к другим людям — отдельным субъектам (включая отношение к самому себе), малым и большим социальным группам. В обобщенном виде можно говорить о моральном сознании как о сумме отношений. Будучи отнесенным к конкретной индивидуальной субстанции — субъекту, индивиду, указанные отношения могут представлять собой либо единую, монолитную систему, построенную на основе принципа иерархии, либо распадаться на отдельные «сферы», «островки», относительно самостоятельные и между собой мало связанные. Так, например, можно говорить как об относительно самостоятельном о бытовом моральном сознании человека, профессиональном, политическом и т. п.

Если попытаться раскрыть личностную структуру морального сознания, то, очевидно, следует говорить о таких составляющих, как 1) особые знания о нормах нравственности; 2) оценочные суждения; 3) эмоциональные и волевые состояния.

Весьма существенно отметить, что само по себе моральное сознание не включает такого важнейшего элемента, как моральный поступок. Последний находится в компетенции человеческого действия, деятельности. На уровне же морального сознания в лучшем случае откладывается сумма знаний и представлений о возможных последствиях от совершенных ранее поступков и интуитивное предвосхищение возможных результатов после совершения тех или иных моральных поступков.

Чем же отличается моральный поступок, нравственное поведение от морального сознания?

Предварительно отметим, что мы не сводим нравственное поведение к сумме моральных поступков. Опыт моральных поступков откладывается в моральном сознании вовсе не как рядоположно нарастающая и запоминаемая последовательность. Сознание столь же активно, как и действие (только форма этой активности другая). Ему свойственна такая активность, как «отсев», пересмотр, создание новых идеальных конструкций, и т. п. Это как раз тот процесс, который обычно принято называть накоплением опыта, пониманием и т. п.

И все-таки, несмотря на тесные связи, существующие между планом морального сознания и планом нравственного поведения, последнее обладает своей особой самостоятельностью. Суть заключается в том, что моральный поступок имеет дело каждый раз с конкретной ситуацией, конкретной проблемой и требует конкретного действенного выбора, выбора, совершаемого не просто на уровне внутреннего сознания, но действия внешнего, реального, практического. И вот здесь-то и оказывается, что регулятором конкретных моральных выборов оказываются далеко не всегда те знания, усвоенные моральные нормы, правила, принципы, которые присутствуют в моральном сознании. Человек может хорошо знать, как следует поступать в том или ином случае, но в реальной ситуации не следовать этому знанию и даже действовать вопреки ему. Подобное расхождение может быть обусловлено разными факторами.

Во-первых, оно может быть связано с тем, что реальная ситуация выбора оказалась неадекватно воспринятой субъектом, трансформированной в какую-то совсем другую. Во-вторых, ситуация могла оказаться новой, не укладывающейся в систему знаний, сформированных на уровне морального сознания. В-третьих, ситуация могла оказаться настолько противоречивой, что функционирующие в плане морального сознания нравственные нормы и правила не позволили осуществить моральный выбор. В-четвертых, ситуация могла потребовать срочного, мгновенного решения, а моральное сознание оказалось не связанным с привычным выбором, автоматизмом действия. Мы полагаем, что дальнейшее изучение механизмов осуществления моральных выборов с учетом сложности структуры как морального сознания, так и морального поступка поможет выработке более углубленных, систематических этических знаний и окажет услугу практике воспитательной работы.

* * *

И. М. ДАНИЛЕНКО (Винница). Дискуссия о предмете этики — свидетельство значительных перспектив в развитии этой науки, которые сложились за последние два десятилетия. Мы недалеко ушли от той поры, когда литературы по вопросам этики было крайне мало, а дискуссии в этой отрасли знаний велись вокруг вопросов типа: «допустимо ли сводить нравственность лишь к общественному сознанию, или нельзя?» ...С тех пор усилиями Л. М. Архангельского, О. Г. Дробницкого, А. И. Титаренко и многих других ученых этическая наука продвинулась далеко вперед, расширила круг своей проблематики. При этом надо учитывать следующее. Конечно, как и каждая наука, этика, помимо интереса к объекту своего познания, вынуждена время от времени обращать рефлектирующий взор и на саму себя, в процессе своего развития упорядочивать свой предмет, выяснять взаимоотношения с другими науками. Однако интерес этики к своему собственному предмету ни в коей мере не может заслонить интереса к ее объекту; он лишь помогает ей успешно выполнять социальные заказы развитого социалистического общества.

Между тем до сих пор остаются без должного ответа отправные для выполнения этой задачи вопросы: о пределах влияния морали на общественную жизнь, об эффективности ее применения в различных сферах социальной деятельности людей, о ее месте в историческом развитии личности. Нуждается в дальнейшем постижении и теоретическом обосновании закон возрастания нравственных начал в жизни социалистического общества. Заслуживают пристального внимания этической теории и те явления в нашей жизни, которые свидетельствуют о превращении нравственности в стимул совершенствования производительных сил общества. Ведь моральный фактор является материалом, «цементирующим» дисциплину и порядок в трудовых коллективах, совместно с внедрением достижений научно-технической революции он определяет и рост производительности труда, становится одним из важных инструментов решения собственно экономических задач. Осмыслить и теоретически обобщить эти процессы и явления — важнейший социальный заказ практики теоретикам нравственности.

Наряду с другими способами влияния на социальную жизнь людей мораль выполняет в обществе и компенсаторную функцию. Ни человек в отдельности, ни общество в целом не застрахованы от различ-

ного рода иллюзий, просчетов. В деятельности коллективов и всего общества бывают просчеты экономического, планового, организационного и даже практического порядка, встречаются пробелы и недоработки, вызванные субъективизмом руководителей и исполнителей, стилем работы и т. п. Все эти недостатки на различных уровнях, как правило, компенсируются моральным фактором — энтузиазмом масс, социалистическим соревнованием, встречными планами, добросовестным, а порой и самоотверженным трудом, причем процесс этот до сих пор идет в значительной степени стихийно. Кроме того, наблюдается и обратный процесс: различные огрехи и отклонения в практике социально-экономической жизни, если они устойчиво сохраняются, могут вызывать моральную дезориентацию у людей и даже такие моральные установки, которые сами и оправдывают и способствуют сохранению этих отклонений. Наука еще мало знает об этой стороне социальной активности морали и обязана восполнить в этом отношении свой долг практике.

И еще одна важнейшая социальная проблема, к разработке которой, по нашему мнению, более активно должны подключиться теоретики нравственности: это задача нравственного обеспечения основного принципа социализма — от каждого по способности, каждому по труду. На эту проблему как ключевую в теоретическом и практическом отношении нацеливает нас июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС. Успехи дальнейшего совершенствования общества развитого социализма в значительной степени зависят от четкости контроля за мерой труда и потребления граждан. Инструментом такого контроля, в особенности со стороны общества, может быть в первую очередь мораль. Проблемы «контрольной функции» (А. И. Титаренко) коммунистической нравственности, несомненно, должны теперь привлечь к себе самое пристальное внимание марксистско-ленинской этики.

Перечнем указанных проблем далеко не исчерпывается социальный заказ общества развитого социализма нашей этической науке. Однако думается, что они обозначают одно из главных направлений, в котором будет впредь развиваться марксистская теория нравственности.

Ю. М. СМОЛЕНЦЕВ. Дискуссия, организованная редакцией журнала «Вопросы философии», важна и своевременна. Ее ценность в том, что она в интересной, живой форме ставит насущные вопросы развития этических исследований в современных условиях. Как справедливо отме-

чает А. И. Титаренко, за различием точек зрения на предмет этики скрываются различные представления о путях развития и задачах этой науки. В центре дискуссии оказалась, таким образом, проблема повышения практической эффективности этических исследований.

Обращаясь к истории этической мысли, можно увидеть, что предметом этического анализа всегда была вся социальная действительность, все стороны человеческой жизни. Не случайно понятия «мораль», «нравственность» употреблялись очень широко, нередко как синонимы понятий «духовная жизнь», «культура» и т. п. Свою задачу философская этика видела не в том, чтобы определить специфический круг моральных явлений, а в том, чтобы подвергнуть этическому анализу социальную действительность, выявить в ней моральное содержание и уже на этой основе попытаться выработать нравственные нормативы. Думается, что этот подход не устарел и для настоящего времени — ценностный анализ социальной действительности должен быть главным путем, на котором этика реализует свои социальные функции и осуществляет свои практические задачи. А. А. Гусейнов прав, подчеркивая в своей статье, что философско-теоретическое осмысление моральной жизни не исчерпывает содержания этики, что оно предполагает и описание морали и критически-ценностный анализ нравов. Единственное, что хочется добавить здесь: критически-ценностному анализу этика должна подвергать не только нравы, а всю деятельность человека как субъекта.

Таким образом, критически-ценностный анализ социальной действительности должен стать основным путем развития этики, а ее специфической задачей, особенно актуальной сейчас, — разработка научной методологии этого анализа. При этом, естественно, возникают различные взаимосвязи этики с другими науками, в которых этика призвана обогатить педагогику, психологию, теорию управления и другие науки элементами методологии этического анализа. Для марксистско-ленинской этики эта задача приобретает особое значение, ибо без этого невозможна реализация основных направлений развития всего комплекса наук об обществе, которые определил июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС.

В решении этих задач на первый план выдвигается необходимость широкого философско-этического исследования проблемы человека. Основная особенность этического анализа состоит в том, что это анализ ценностный. Мораль как один из способов духовно-практического освоения

мира присутствует во всех сферах человеческой жизни именно потому, что она несет в себе ценностное отношение человека как субъекта деятельности к осваиваемой им действительности. Задача научной этики — исследовать и определить объективные основания этих ценностных отношений. Только при этом условии этический анализ становится и действительно научным и подлинно ценностным.

При таком подходе в структуре этики особую роль начинает играть проблема гуманизма. К сожалению, еще нередко само понятие гуманизма трактуется в узкотрадиционном смысле: как абстрактный призыв уважения к человеку, любви к нему и т. п. В марксистско-ленинской этике эта проблема приобретает качественно новый характер, в ее рамках возникает потребность в целостной теории гуманизма (на это, в частности, указывает в своих публикациях на страницах журнала И. Т. Фролов), которая дает ответы на вопросы о сущности и природе человека, его предназначении и смысле конечного индивидуального существования, которая вскрывает реальное содержание человечности (гуманности) как ценностного аспекта человеческой жизнедеятельности. Эта теория становится предпосылкой исследования тех путей, которые ведут к «очеловечиванию», гуманизации общества и человека, к обществу, которое К. Маркс называл «реальным гуманизмом». Именно разработка этой теории — насущная потребность сегодняшнего дня.

А. П. СЕРПИЧНИК (Саранск). Идея о необходимости моралеведения упирается в конечном счете в различие между предметом и объектом марксистско-ленинской этики. Предметом этики, безусловно, выступает мораль. Однако если этическое исследование будет чураться феноменов, не являющихся собственно моральными, оно даст лишь небольшое количество скудных выводов, предопределенных вдобавок тем содержанием, какое изначально вкладывается в понятие морали. Поэтому в объект этики включаются значительно более широкие, чем мораль, системы, например, система экономических, политических, правовых и вообще межличностных отношений, система качеств и поведенческих механизмов человека, включая психологические и биологические механизмы и т. п.

Развитие марксистско-ленинской этики на современном этапе определяется взаимодействием двух противоположных тенденций: во-первых, расширением объекта этических исследований, включением в него новых областей, во-вторых, уточнением предмета этики, совершенствованием

ее категориального аппарата. Моралеведение, на наш взгляд, не может быть особой теорией морали, разворачивающейся отдельно от философской этики. Если общетеоретические проблемы морали, такие, как ее генезис, структура, функции, и т. д., вынести за рамки этики, то в ней останется только то содержание, которое вполне исчерпывается историческим материализмом. Но и теория морали, строящаяся не на философско-этической методологии, а на каких-то иных (пока неизвестных) методологических основаниях, рискует запутаться в дебрях эмпирического материала.

Моралеведение не может строиться и по аналогии с искусствоведением, поскольку в отличие от разных видов искусства, связанных с особыми производителями и особыми произведениями, нет особых видов моральной деятельности. Любая производственная деятельность человека может иметь моральный аспект, чего, однако, недостаточно для образования специальной науки.

Вместе с тем сама идея моралеведения является симптомом назревшей необходимости существенного обогащения эмпирического слоя этики, в который должно включаться выявление и описание конкретных типов поведенческих ориентаций, групповых (классовых) систем моральных ценностей и их соотношения с развитием морали вообще.

Противоречие между теоретическим и эмпирическим, а также между теоретическим и нормативным содержанием этики должно разрешаться не разведением этих аспектов по разным наукам, а соединением всех этих аспектов в каждом отдельном исследовании. Именно таким видится нам магистральный путь развития марксистско-ленинской этики. Разумеется, на современном этапе подобный синтез может выступать только в качестве общего ориентира. Ни один исследователь-этик не может (да это и не нужно) подменить психологические, конкретно-социологические, экономические, этнографические и т. п. исследования. Речь должна идти о другом: о всемерном учете конечных данных этих наук, о тесном сотрудничестве этиков с учеными других отраслей, то есть о комплексном решении задач, диктуемых нравственной практикой и логикой развития самой теории.

А. Н. КОРАБЕЛЬНИКОВ (Куйбышев). Никто не станет возражать против того, что нам нужны и эмпирические исследования, объективно отражающие нравственное развитие нашего общества, и основанные на них, а не на одном лишь умозрении, теоретические обобщения. Но согласиться с

тем, что такие исследования (называть ли их «моралеведением» или как-то еще) чуть ли не преобразуют этику (именно этику, а не социологию или правоведение), по нашему мнению, нельзя. У этики есть свои особые задачи, которые она всегда решала и решает собственными средствами, и потому между ней и моралеведением (если бы оно и появилось) останутся принципиальные различия.

«Моралевед» так или иначе исходит из того, что изучаемая им мораль существует в обществе объективно, независимо от его позиции. Он должен заботиться, чтобы его нравственные чувства и предпочтения не влияли на результаты познания. Для философа же его собственная мораль, обнаруживаемая с большей или меньшей отчетливостью в его самосознании, является одним из определяющих факторов его этических исследований и рекомендаций. В этом смысле «голос совести» не просто метафора, придуманная писателями, это выражение обозначает нечто вполне реальное. Задача «моралеведа» — представить истинное знание о морали. Задача этика — вооружить, опираясь на это знание, людей верными моральными ориентациями. Получение знаний о внешней реальности — это событие, которое непосредственно затрагивает только одну часть сознания — интеллект. Обретение же моральности является результатом качественного преобразования всей духовной жизни индивида, открывающего для него возможность перерабатывать противоречивые воздействия внешних условий и собственные потребности в цельный, осмысленный образ жизни.

Специфика моралеведческих исследований определяется их предметом — моралью. Философы же, хоть и постоянно имеют в виду мораль, очень часто концентрировали внимание на более широких вопросах: природе человека, общественном благе, свободе воли, классовых отношениях и т. д. Так происходило потому, что философов интересует не только мораль сама по себе, но и возможность разработать целостное мировоззрение, в которое мораль входила бы в качестве необходимой составной части. Поэтому-то этика и не выделилась в самостоятельную науку, а до сих пор оставалась — и останется в будущем — разделом философии.

И. Я. ЛЕВЯШ (Минск). Как полемические заметки В. Т. Ефимова, так и размышления в этой связи известных советских этиков глубоко симптоматичны. Они отражают основное противоречие развития этической науки на современном этапе. Оно обнаруживается, с одной стороны, в бесспорном утверждении, что предмет

этики — мораль — «не имеет постоянной прописки», являясь смысложизненным ферментом любой сферы деятельности общественного человека, а с другой — в превращении этого утверждения в успокоительную декларацию, ведущую к добровольной гипертрофии ценностно-императивной функции этики и ее отчужденности от исследований конкретно-исторического характера, в частности от новых фундаментальных процессов в общественном развитии (например, моральные проблемы взаимосвязи НТР и экологии).

Однако важно, чтобы такое критическое самосознание этиков выражалось не только в неудовлетворенности ограничением сферой «чистой» этико-философской мысли, но и в ясном понимании соотношения абстрактного и конкретного в самом этическом знании. В. Т. Ефимову представляется, что некоторые ведущие авторы уподобляются господину Жюрдону, не сознавая, что их работы имеют не этический, а моралеведческий характер, поскольку в них успешно освоен конкретно-исторический, междисциплинарный материал. И здесь обнаруживается методологическая «тайна» его идеи моралеведения как самостоятельной, внеэтической теории морали, лишь внешне связанной с этикой: заранее признанный разрыв между абстрактным (идеальным) и конкретным этическим знанием. Между тем, например, классический образец методологии «Капитала» К. Маркса показывает, что ее автор не удовлетворился «скелетом» капитала и изучал всю капиталистическую общественную формацию, как живую, в ее плоти и крови⁵.

Иначе говоря, К. Маркс не нуждался в разрыве целостного предмета — капитализма и методологии его исследования на абстрактно-логическую и конкретно-историческую, а прослеживал его генезис, сущность, структуру и закономерности развития в единстве этих внутренне и атрибутивно связанных граней познания. В такой же мере абстрактно-теоретическая функция этики, как ее «скелет», немислима без «плоти и крови» своей конкретно-исторической функции. Изучение всего богатства содержания нравственной деятельности не внешняя предпосылка этики, а описание и объяснение генезиса, сущности, структуры и закономерностей ее развития, неотъемлемые от их этико-философских обобщений, ценностно-императивных оценок.

Поэтому плодотворность этики во многом обусловлена ее способностью стать социозетикой, то есть уметь органически

переосмыслить достижения социологии (от общесоциологической теории до эмпирических, «прикладных» исследований) с учетом ценностно-императивной специфики своего «угла зрения».

Со всей очевидностью такая внутренняя взаимосвязь прослеживается, к примеру, в построении теории нравственного прогресса. Исходя из положения К. Маркса о том, что человечески хорошим является осуществление свободы, сущность нравственного прогресса возможно определить как социальное освобождение передовых общественных сил от всех форм неволи, выражающееся в возрастании возможностей нравственного выбора, в совершенствовании моральных регуляторов взаимодействия личности и общества, в развитии познавательного потенциала морального сознания и др., в целом же — в гуманизации взаимодействия добра и зла, в усилении роли нравственности в общественном прогрессе. В таком подходе нетрудно заметить движение от общесоциологической концепции социального освобождения, в котором нравственное освобождение — одна из граней, сторон, к специфике проявления его содержания в нравственной деятельности людей. Напротив, в определении критерия нравственного прогресса необходимо движение от «чисто» этических понятий к общесоциологическим, поскольку критерий не должен быть чем-то внешним по отношению к объекту оценки и вместе с тем призван выражать динамику его сущности. В качестве такого критерия можно рассматривать степень конкретно-исторического соответствия реального поведения людей, их нравственной практики такому высшему (и также исторически определенному) идеалу, как социальное освобождение субъекта общественного прогресса, торжество социального добра над злом на каждом этапе восходящего развития человечества.

Итак, идея моралеведения как самостоятельной внеэтической дисциплины является «наказанием за грехи» современной этики, гораздо лучше сознающей себя как ценностно-императивное знание и гораздо хуже — как одну из ведущих носительниц современного конкретно-исторического метазнания. В действительности, не нуждаясь в отпочковании моралеведения (что поставило бы этику в ситуацию короля Лира), она испытывает острую потребность в дальнейшем развитии своей творческой способности (во всеоружии системы этических абстракций) всесторонне, конкретно-исторически постигать нравственные аспекты социологических закономерностей во всех направлениях и на самых различных уровнях, чутко реагировать на новые тенденции общественно-

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 138—139.

исторической практики и становления комплексной метанауки о человеке.

В. Е. ДАВИДОВИЧ, Е. В. ЗОЛУХИНА-АБОЛИНА (Ростов-на-Дону).

В журнале была начата дискуссия о целесообразности создания новой дисциплины, условно названной «моралеведение» («Вопросы философии», 1982, № 2). Фактически разговор вылился в обсуждение возможных и необходимых путей исследования морали: суть его в том, чтобы выяснить, как, каким образом можно наиболее адекватно схватить, отобразить, понять интимные механизмы морального регулирования? И не устарел ли общепринятый «древний» философский подход к изучению морали? Не пришла ли пора дополнить его неким новым специальным комплексом нефилософских знаний о морали?

Процесс глубокой дифференциации наук в наши дни необходимо породил и настоятельную потребность в интеграции выделившихся «частей» и «сторон». Реальная действительность каждый день выявляет проблемы, которые не могут быть не только решены, но даже рассмотрены порознь — обособившимися дисциплинами. Уже сейчас немало трудностей вызывает жесткое деление общественности на замкнутые и отделенные друг от друга политэкономия, философия, теорию научного коммунизма, а внутри философии — на диамат и истмат. Вопросы, встающие перед обществоведами, целостны и комплексны. И здесь принцип «бритвы Оккама» отнюдь не устарел. Именно поэтому, на наш взгляд, нет нужды продолжать умножение «самостоятельных» наук, несущих с собой свой узкий, однобокий подход. В этом смысле то, что названо «моралеведение», может выступать не как новая «дочерняя дисциплина», а как имманентный органичный элемент целостного этического знания. Первоочередная задача состоит, видимо, не в вычленении «естественнонаучного аспекта», а в нахождении точек соприкосновения этики, истмата, психологии и т. д.

Конечно, в век НТР нельзя совсем обойтись без выверенных, конкретных, естественнонаучных данных о человеке. И все-таки философская этика, а иной она и быть не может, черпает материал для своей рефлексии в первую очередь отнюдь не из сводок социологов. Специалист-этик — это всегда человек, участвующий в реальном процессе жизни, владеющий историей философии и культуры, способный схватить то, что называют «духом времени», делающий обобщения на основании совокупного — своего и чужого — непосредственного опыта, а не заземлен-

ный на истолковании одних только «вторичных» моральных фактов. Исключить здесь момент непосредственности — значит попросту свести теорию морали к сциентистскому анализу.

Думается, что не может быть продуктивной и попытка конструировать моралеведение по типу искусствоведения. Такие дисциплины, как театро-, кино- или литературоведение, возможны потому, что имеют дело с предметными или знаковыми формами, способными отделяться от своих творцов и вести самостоятельное существование. Мораль же в полном смысле слова существует лишь тогда, когда она воплощается в действии, в поведении. Моральные нормы тогда нормы, когда их хоть кто-нибудь выполняет, а выполнение неотделимо от выполняющего. Таким образом, мораль как сфера деятельности — единства знания, убеждения, воли — может исследоваться только наукой, ориентированной на изучение деятельностного отношения «человек — мир» и «человек — человек». А это дело философии. И здесь сходятся в одном пункте гносеологический, аксиологический и праксеологический подходы — осуществляется синтез философского знания.

Мораль — сфера духовно-практического освоения мира — требует разработки таких аспектов марксистской теории деятельности и общественного сознания, которые позволили бы наиболее продуктивно изучать их противоречивое единство, столь важное для понимания духовных процессов, протекающих в развитом социалистическом обществе.

* * *

В. П. ФЕТИСОВ (Воронеж). Дальнейшее развитие этической мысли в нашей стране во многом зависит от того, насколько эффективными окажутся ответы ученых на традиционные вопросы о соотношении полезности и должноствования в моральном добре, о диалектической взаимосвязи добра и зла и о несовпадении добродетели со счастьем. Условием успешного рассмотрения перечисленных проблем является органическая связь любого этического исследования с философским учением о человеке, его самоценности и его отношении к миру.

Методологическая уязвимость многих работ по этике объясняется, как правило, одним из следующих недостатков: 1) анализ частных вопросов моральной практики иногда вовсе не обосновывается диалектико-материалистическим пониманием сущности человека, причем при этом характерно выдвигание требований большей автономии этики как самостоятельной философской науки и одновременно более тесного контакта ее с науками

нефилософскими; 2) философское обоснование нравственной проблематики понимается как соотнесение этических категорий с развернутым понятием сущности человека без изучения конкретных способов формирования и развития самой этой сущности. Такой подход заставляет «подгонять» все богатство нравственных отношений под готовые абстрактные схемы; 3) сфера морали ограничивается рассмотрением какого-то одного противоречия общественно-предметной деятельности, выражающей сущность человека, или, что еще хуже, абсолютизацией одной из сторон данного противоречия. И тогда внимание сосредоточивается не на «вечных» проблемах нравственности, отражающих целостность бытия, а на произвольном выделении одного из моментов действительности — биологического фактора или социального, общественного или личностного, необходимого или свободного и т. д.

Вместе с тем в настоящее время в связи с достижениями в разработке проблемы человека и в развитии материалистической диалектики перед марксистско-ленинской этикой открываются возможности для нового, более тщательного изучения проблем соотношения полезности и долженствования, взаимосвязи добра и зла и несоответствия добродетели со счастьем. В качестве предпосылок этико-философского анализа этих традиционных проблем на новом уровне можно рассматривать, например, «этику должной целесообразности» О. Г. Дробницкого, отражающую связь долга с высшей (соответствующей сущности человека) практичностью, концепцию А. И. Титаренко о диалектическом взаимодействии добра и зла, оберегающее от упрощенного отождествления нравственности с абсолютным добром (святостью), и обращение Г. Д. Бандзеладзе к понятию человеческого достоинства, одинаково несовместимого как с «несчастной добродетелью», так и с «незаслуженным счастьем».

А. А. ХАЧАТРИАН (Ереван). Актуальность рассмотрения этико-психологических аспектов проблемы индивидуализма определяется внутренней логикой развития марксистской этики, задачами обострившейся идеологической борьбы. Рассмотрение этического принципа индивидуализма в связи с конкретной историей нравственности позволяет раскрыть диалектическую природу этого феномена, определить его место в системе этических категорий. Сейчас принцип индивидуализма более чем когда-либо является не только основным, но и главным оружием буржуазной идеологии — в защиту частной собственности, классового эгоизма буржуазии и ее анти-

гуманной морали. Индивидуализм — коренной методологический порок буржуазных этических учений. Антагонизм коллективизма и индивидуализма в наше время выражает антагонизм двух основных мировоззрений: марксистско-ленинского и буржуазного. Эти проблемы в широком теоретическом плане исследованы в марксистской этике еще недостаточно. А между тем потребность в углубленной научной критике этических обоснований индивидуализма (концепция эгоистичности человеческой природы, концепция «свободы» эгоистической личности или индетерминистского характера поведения человека, концепция, согласно которой общество есть лишь совокупность изолированных индивидов, каждый из которых стремится осуществить свои эгоистические интересы; концепция враждебности общества нравственному развитию личности или приматы эгоистической личности по отношению к обществу и др.) в условиях непрекращающегося натиска буржуазной морали на коллективизм как один из коренных принципов морали коммунистической очевидна.

Очень важна проблема аморализма, его мотивов, личностных и социальных последствий, в марксистской этике ее надо рассматривать в связи с эгоизмом как определенной моделью и принципом поведения. Изучение истоков эгоизма как негативной социально-психологической и моральной направленности поведения позволяет глубже представить закономерный процесс становления условий и позитивного, благоприятного нравственного развития личности при социализме, раскрыть суть всего гуманистического содержания социалистического переворота в истории человечества, глубже понять значение и функции марксистской этики. Ведь ясно, что в подавляющем своем большинстве отрицательные явления сознания и поведения в области морали при социализме связаны в той или иной мере с индивидуализмом и в крайнем выражении с эгоизмом. Сейчас, когда ведущим аспектом формирования нового человека выступает нравственный аспект, особую значимость приобретают решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС о необходимости бескомпромиссной борьбы с пережитками прошлого и нашими «нажитыми» (на основе новых, нерешенных проблем и недостатков в идейно-воспитательной работе) пороками в нравах с индивидуалистическими явлениями сознания и поведении в условиях развитого социализма. Анализ процесса преодоления этих явлений в нашем обществе должен положительно сказаться на улучшении практики нравственного воспитания, укрепить связь этики с жизнью.

В. Т. ГАНЖИН. В современной этической литературе понимание морали почти вовсе не предусматривает исследования процессов ее изменения как особого, специального объекта изучения. Нетрудно видеть, что недостаточное внимание к механизмам развития морали негативным образом сказывается и на уровне диалектичности современного этического мышления. Последние два десятилетия, характеризовавшиеся интенсивной разработкой проблем специфики, сущности, структуры и функций морали, принесли немало новых представлений в общую теорию морали. Сегодня же напрашивается дальнейшее ее совершенствование, которое возможно на путях применения метода процессуального моделирования, направленного изучения конкретных нравственных процессов.

Что же такое нравственность как процесс? Какие изменения характерны для современной нравственной жизни в развитом социалистическом обществе? В самом эскизном виде на эти вопросы можно ответить так: нравственным процессом является процесс выражения природы того или иного общества в социально-исторических основаниях того или иного типа морали, который далее воплощается в системе конкретных нравственных требований, осуществляющихся в мотивах и поступках, в содержании нравственной жизни и личности или совокупности личностей (коллектива, слоя, класса, нации) определенного социального типа. Сущность нравственного процесса заключается в том, что он не просто объединяет моральное сознание и поведение или связывает поступки и действия в нравы, а позволяет реализоваться самым глубоким основаниям исторического прогресса в жизни каждого социального субъекта. Но, разумеется, если эти основания противоречивы, то и нравственная жизнь в обществе данного классово-антагонистического типа будет иметь аналогичное содержание.

Надо заметить, что в современных разработках по марксистской этике освоение содержания нравственности как единого процесса шло фрагментарно и неравномерно: либо изучалось, скажем, формирование и развитие социалистической морали, в особенности в революционный период, но не ставился вопрос о теории этого процесса, либо теоретическому анализу подвергался переход от мотива к поступку, от сознания к поведению и отношениям, но не затрагивался вопрос о социально-исторических основаниях, определяющих логику такого перехода, либо исследовались большие социальные системы морали — и это действительно новое слово в этической науке наших дней, — но не

обсуждалась проблема обратного влияния нравственной деятельности на социально-исторические основания. Одним словом, вопрос о применении метода процессуального моделирования морали с теоретической точки зрения назрел. И он вполне решаем с позиций диалектико-материалистической методологии, несмотря на всю «тонкость» и «эфемерность» нравственной сферы.

Е. И. ШУБЕНКОВА. Нравственный идеал, выполняя роль высшей духовной моральной ценности, выступает и в роли гуманистического критерия ценностной ориентации личности. Формирование ценностной ориентации вне этого критерия принимает узкоутилитарный характер. От структуры нравственных ценностей, постоянно воспроизводимых в массовом поведении и общественном сознании, зависит содержание моральных предпочтений, морального выбора, способов и средств, а также конфликтов и противоречий, составляющих живую ткань человеческой жизни. Именно поэтому так важно этическое исследование связи идеала и ценностных ориентаций личности, их динамики как своего рода промежуточных звеньев в связи настоящего и будущего.

Ценностная ориентация осуществляется в ходе предметной деятельности с учетом ситуации. Она поэтому может носить узкопрагматический характер. Человек, живущий в системе общественных отношений, связанный с разнообразными видами деятельности, в конкретной ситуации должен правильно ориентироваться. Нравственный идеал определяет общую идейно-ценностную направленность деятельности и поведения личности. Он более четко оформляет ценностно-мотивационную направленность социальной деятельности в будущее и снимает узость практической ориентации, неизбежно связанной с ограниченными условиями ситуационного поведения. Вот почему вне связи с идеалом формы ценностной ориентации могут приобрести утилитарный, узкопрагматический характер. Тогда-то и теряется их эффективность в формировании целостной личности.

В социальной ориентации личности идеал выполняет функцию критерия моральности. Следует иметь в виду, что в поведении людей нравственный критерий используется на двух уровнях. На уровне повседневного поведения в виде критерия обычно выступает моральный опыт, сложившиеся в обществе моральные нормы, традиции, обычаи, система общественного мнения и т. п. Идеал же выполняет роль критерия на общемировоззренческом уровне, помогая человеку решать сложные нравственные проблемы смысла жизни,

человеческого назначения, осмысливать и переживать этапы своего развития, разрешать моральные конфликты, ставить перспективные цели и т. д. В личном плане этот критерий отливается в глубокие идейные убеждения.

На теоретическом и практическом уровне необходимо учиться соединять критерий нравственного поведения с идеей гуманизма. Ведь коллективное решение приходит к человеку не как необходимость ограничить свой интерес, а как потребность его развивать и совершенствовать, определяя его общественное, гражданское содержание. Недаром именно такое поведение приносит глубокое моральное удовлетворение, чувство радости и переживание счастья.

Практическая роль идеала редко выявляется в границах отдельного поступка, а обычно в рамках всей жизни. Его роль значительна для всежизненного процесса формирования ценностных ориентаций личности. Отсюда и его непреходящее значение в практике нравственного воспитания в условиях социалистического образа жизни, задачи его разработки средствами этики.

В. А. БЛЮМКИН (Курск). Поиски путей сближения этики с жизнью, с практикой коммунистического строительства неизбежно приводят к традиционной этической проблеме добродетелей и пороков, иначе говоря — моральных качеств личности. История этики свидетельствует, что эта проблема была и остается одним из главных пунктов применения этического знания к нравственному воспитанию и самосовершенствованию людей в обществе.

Происшедшая в социалистическом обществе идейно-теоретическая переориентация всей проблематики моральных качеств не снижает ее практическую значимость. Наоборот, появляются новые серьезные запросы на разработку достаточно строгой теории моральных качеств, на создание их системы и типологии. Например, эти этические знания нужны всюду, где осуществляется подготовка, подбор и аттестация кадров в соответствии с их идейно-политическими, моральными и деловыми особенностями, где проводятся социологические, психологические и педагогические исследования, направленные на выявление нравственного уровня отдельных личностей и коллективов, и, конечно же, там, где решаются задачи формирования высоких моральных качеств личности.

Не случайно поэтому предложенная автором типология моральных качеств⁶ привлекла к себе определенное внимание социологов и специалистов в области атте-

⁶ В. А. Б л ю м к и н. Тезаурус информационно-поисковый по этике. М., 1979.

стадии кадров. Эта типология, имеющая в основном структурно-функциональный характер, не исключает, а даже предполагает иные варианты систематизации, прежде всего историко-генетическую типологию, связанную с анализом исторически конкретных социальных типов личностей и присущих им добродетелей и пороков.

В нравственных качествах хорошо просматривается включенность морали во все виды социальной деятельности, индивидуального и массового поведения. Отсюда теснейшее переплетение в личностных свойствах морального и неморального, что позволяет этике внести свой вклад в создание теории и типологии не только моральных, но и всех социальных качеств личности. Здесь прямой стык этики с социологией, психологией, педагогикой и т. д. Накопленный в настоящее время эмпирический и теоретический материал дает основание разделить личностные качества (свойства) на четыре типа: 1) идейно-политические, мировоззренческие; 2) моральные; 3) деловые; 4) «прагматические», — связанные с обеспечением личного или узкогруппового благополучия. Анализ этих типов и выявление нравственных компонентов, которые имеют место во всех личностных качествах, очень важны для этической теории и для основных направлений ее практического применения.

И последнее. Исследование моральных качеств приводит к выводу, что они принадлежат к всеобщим и необходимым характеристикам морали, а термин «моральные качества» (свойства) является одним из фундаментальных понятий общей теории морали наряду с категориями морального сознания, нравственных отношений, деятельности и поведения, моральных норм и ценностей. Из признания этого положения, аргументация которого не входит в нашу задачу, следует, что нужно повысить роль проблематики моральных качеств в структуре марксистской этики как науки и учебного предмета.

(* * *)

О. П. ЗУБЕЦ. Этика, если она стремится к поиску объективных детерминант функционирования морали, неизбежно приходит к сознанию необходимости выявления закономерностей реального процесса жизни индивида, сущность которого и составляет развитие личности. Решение этой задачи существенно облегчается с введением понятия личностного времени. Личностное время является чутким барометром состояния морального процесса, соотношения реализованных в нем (и нереализованных) возможностей и его перспектив.

Нравственные ценности, разумеется, нельзя рассматривать как нечто самозначимое, неизменное. Воспринимаемые человеком из социально-культурного опыта, они обретают реальный жизненный смысл только в качестве функционирующих, они «живут» лишь постольку, поскольку способствуют реализации возможностей личности, развертыванию всего богатства ее связей с окружающим миром. Таким образом, жизнеспособность ценностей, их мотивационная интенсивность зависят не только от содержательного своеобразия индивидуального и общественного сознания, но и от состояния реального процесса жизни индивида, взаимодействующего с процессами жизни классов, социальных групп и общеисторическим процессом. Психологические и социологические исследования показывают, что эта жизнеспособность сокращается при личностном старении, то есть зачастую все большим доминировании в личностном времени связи настоящего с прошлым, а следовательно, и замедлении темпов саморазвития личности, сокращении сферы возможностей ее духовного обновления. Это позволяет утверждать, что нравственные ценности не нейтральны по отношению к временным характеристикам, а источниками их временного содержания, по-видимому, являются как специфика регулятивной функции, так и исторические условия формирования новых нравственных систем, отражающих течение социального времени через деятельность прогрессивного ценностносозидающего класса. Ведь несоответствие между временным содержанием ценностей и течением личностного времени лишает их способности выстраивать реальную мотивацию поведения. Иерархия ценностей в этом случае становится иллюзорной и саморазорванной, а возникающий «регулятивный вакуум» заполняется шаблонизированными формами поведения, что в конечном счете ведет к обеднению нравственной жизни. И подобные последствия личностного старения делают его преодоление важнейшим и необходимым средством преобразования объективных условий, влияющих на нравственный облик человека нового типа. Кроме того, введение в рамки этического исследования комплекса временных понятий имеет и большое эвристическое значение, так как позволяет использовать в этике достижения самых различных наук — психологии, социологии, культурологии, искусствознания и т. д. — без сложных операций их преобразования.

В. Н. НАЗАРОВ (Тула). В связи с обсуждением перспектив развития этической науки поставим следующий вопрос: что

представляет собой предмет этики в масштабе исторического процесса? Характерной особенностью морали является то, что она основывает свои положения на исторической реальности предельно широкого масштаба, выражая тем самым «скрытые» глубинные, сущностные слои исторического бытия человека как субъекта, творца этого процесса. Следовательно, и этика должна осмыслять свой предмет в целостной исторической проекции, рассматривать мораль под углом зрения тенденций и перспектив общественного развития. В противном случае многие явления морали предстанут как бы «научно несостоятельными» и «социально невесомыми». Именно всемирно-исторический ракурс рассмотрения, как это убедительно показал Ф. Энгельс, ставит все на свои места. В домарксистской этике крупномасштабное рассмотрение морали имело форму обоснования долженствования. Так была выражена мысль, что мораль нельзя понять и вывести на основе налично сущего, что масштаб ее оценки несоизмерен ее социальному воплощению. Это и определяет в конечном итоге импульсы морали по отношению к будущему, которые должны быть осмыслены и выражены марксистской этикой. На нынешнем этапе развития этическая наука вполне созрела для того, чтобы поставить и решить проблемы морального предвосхищения будущего и будущего самой морали, исследовать механизмы становления и развития нравственной культуры общества, на основе которой формируется единая, общечеловеческая мораль, «стоящая выше классовых противоположностей» (Ф. Энгельс). Итак, разгадка морального долженствования (а этику некоторые понимают именно как науку о должном) связана скорее всего с дальнейшим исследованием проблем взаимоотношения морали и будущего.

Н. Г. МЕХЕД. Хотелось бы обратить внимание участников дискуссии, всех этиков на то обстоятельство, что во многих этических работах недостаточно полно учитываются многообразные коррелирующие связи этики, философской науки о морали и целокупной духовной культуры. Социокультурное наследие, в недрах которого пребывает философское мышление, объемлет науку, искусство, политику, воспитание и др. Они интегрированы в нем, представляя собой мощные ветви единого ствола древа культуры. Наряду с этикой мораль исследуют частные науки о человеке (психология, история, социология, этнография и некоторые другие). Специфические задачи постижения моральных феноменов решает и искусство. Таким обра-

зом, «ареал» совокупного знания о морали задается координатной сеткой взаимодействия этики, конкретных человековедческих наук, искусства.

Обширный слой содержательного знания о морали, поражающий гениальностью прозрений сущности моральных явлений, масштабностью нравственных проблем бытия, самочувствий человека в мире, аккумулярован художественной литературой. Это богатство вековой мудрости народов, опыта размышлений многих поколений над вечными вопросами нравственности ни в коей мере не следует игнорировать в этических исследованиях. Литература здесь может стать по-своему уникальным источником «квазиэмпирической» информации о действиях морально-психологических механизмов — феноменальных проявлениях нравственности в ее индивидуально-личностном, «интимном» бытии. Этот не совсем обычный для этической науки материал представляет собой богатую основу для глубоких, проникновенных теоретических выводов. Неудивительно: ведь литература непосредственно отражает бытующие в обществе нравы, и в этом смысле ее нравственно-этическая проблематика давно тяготеет к «моралеведческим» сферам этики.

Однако литературно-художественные, образные изображения действующих моральных механизмов, образные descriptions нравственных феноменов требуют определенной перекодировки, содержащейся в них морально-этической информации, особой этико-психологической расшифровки. Поэтому так необходимо разработать эффективную методологию собственно этического анализа литературных произведений как одного из способов освоения конкретного материала этой наукой.

В исследовании моральной ткани произведений литературы применимы самые разнообразные подходы — от образных средств литературно-этической эссеистики, непосредственно примыкающей к художественной литературе, и до серьезных философско-этических исследований, осуществляющих перевод моральных проблем, выраженных языком художественных образов, в традиционные для этики формулировки с помощью этических понятий, принципов, ценностей. Значимость философских выводов, заключенных в литературе, в большой степени оказывается пропорциональна творческому потенциалу писателя. Например, философ-этик не может не обращаться к философским аспектам произведений Ф. М. Достоевского, которым, как известно, свойственно глубокое проникновение в моральное бытие человека, постижение его самых глубинных субъективно-психологических слоев. В

этом смысле некоторые находки Достоевского предстают как первичные факты психологического знания о человеке, добытые не применением средств научного исследования (кстати, весьма несовершенных в те времена), а с помощью какой-то удивительной интуитивной силы, исключительно богатого жизненного и нравственного опыта писателя. Парадоксальная вещь: ему в образной литературно-художественной форме открылись сокровенные тайны таких существеннейших проявлений моральной жизни человека, точным знанием о которых психологическая наука до сих пор не располагает в полной мере. Морально-психологические феномены «мечтательства», «двойничества», «подполья», некоторые виды моральных отклонений (нравственно-мазохистского характера, например, «нравственное сладострастие») — вот далеко не полный реестр рассмотренных и исследованных Достоевским явлений.

Таким образом, художественная литература — богатейший, неисчерпаемый источник не только для более широкого, углубленного понимания предмета этики — морали и ее субъекта — человека, но она может быть и мощным стимулом совершенствования самой этики в ее собственном, теоретическом движении.

Н. В. ТРУСЕНЕВА. Как уже установлено этическими исследованиями (в частности — истории нравов), мораль не имеет жестко ограниченной, особой сферы применения: границы ее действия то расширяются, то сужаются, в зависимости от тех или иных социально-классовых интересов в обществе. Для развитого социалистического общества характерно вообще усиление нравственных гуманистических начал и запросов в жизнедеятельности людей. Поэтому неудивительно, что в сферу моральных оценок попадают ныне такие явления, аспекты, области жизни, которые либо незначительно, либо вообще ранее не подвергались такой оценке. Следовательно, вопрос о перспективах развития марксистской этики как науки необходимо связать со своевременным анализом и учетом этих новых предметов оценки, т. е. с появлением в ней новых вопросов и проблем, ранее не занимавших в ней значительного места (например: отношение к природе, «сосуществование» с животными, «статус» домашних животных и др.). К числу таких важных проблем относится и вопрос о ценностном значении индивидуального здоровья и морального ответственности личности за его состояние.

Дело в том, что отношение к личному здоровью приобретает особое значение в

связи с формированием гармонически развитого человека нового типа. Вообще-то гуманистические направления этической мысли — а социалистическая мораль и этика в особенности — всегда накладывали на личность ответственность за свое поведение не только перед обществом, коллективом, близкими людьми, но и за собственное саморазвитие, за отношение к себе как к ценности. Известное моральное самоуважение — необходимое условие достоинства, т. е. того качества личности, которое, по словам К. Маркса, является основанием «автономии» в морали. И дело не только в том, что здоровье приобретает такие черты, где индивидуально-личностное отношение к нему переходит в социально-общее. А и в том, что здоровье начинает выступать как особая самоценность, вызывающая и особые морально-этические к себе подходы. И здесь возникает целый ряд теоретических и нормативных проблем и противоречий, на которые в своем специфическом ракурсе (аксиологическом, императивном) должна дать свой ответ и рекомендации этика. В какой мере человек должен заботиться о своем здоровье, какое место эта забота должна занимать в иерархии целей его жизни (в том числе — с учетом возрастных особенностей и связанных с нею ситуаций)? Что значит сохранять здоровье и как это сочетать с тем, что иногда называют «тратой» здоровья? Какова культура этой «траты» в жизни как самоценности? Поскольку речь не идет о посягательстве на распоряжение здоровьем «извне», средствами принудительного регламентирования (хотя такие случаи в альтернативных ситуациях имеют место — принудительное лечение алкоголиков, наркоманов и т. п.), то каковы моральные пределы допустимости этого «самораспоряжения» своим здоровьем? Как особые приемы сохранения здоровья, получающие все большее распространение (различные диеты, упражнения, аутотренинг и т. п.), соотносятся с привычными, принятыми образцами поведения? В том числе обычаями, традициями? Какова их перспектива в плане морального «престижа» в нашем обществе? Почему некоторые способности личности, связанные со здоровьем, выходят на первый план в общественном мнении, приобретая (заслуженно ли?) оттенок морального качества? (сексуальная сила, например; см. работу И. Кона. «Социология личности», 1967). Как изменяются критерии допустимой моральной заботы личности о своем здоровье в условиях экстремальных ситуаций в семье, коллективе, обществе?

Все эти и другие вопросы сходятся в одной точке: является ли категория здо-

ровья — в особом, ценностном значении — и нравственной категорией? Пришла пора ответить на этот вопрос. Ныне перспективы этики нельзя верно схватить без одновременного — прогностического! — определения новых, ей «подвластных» проблем и путей их разрешения в будущем.

Т. И. ПОРОХОВСКАЯ. Ныне понятие «ценностные ориентации морального сознания» широко используется не только в обыденной речи, публицистике, популярной литературе, но и в этической литературе. Причем в этической литературе это понятие, возможно, в силу его «наглядности» зачастую не определяется. Из контекста же следует, что в одних случаях речь идет о психическом механизме реализации моральности индивида, в других — о том социально-нравственном содержании, которое воплощается при помощи этого механизма; чаще всего ценностные ориентации относят к рациональному «слою» в моральном сознании, но иногда встречается понимание ценностных ориентаций и как определенных эмоциональных состояний и т. п. В то же время обращение к проблеме ценностных ориентаций не только правомерно в этике, но и насущно необходимо. Оно вызвано задачами совершенствования методологии этических исследований, связано с поисками более глубоких, тонких и всесторонних критериев моральности личности.

Мораль — это такой объект изучения, который не дан исследователю непосредственно и не отражен адекватно самим моральным сознанием. В таких случаях, как справедливо отмечено Э. Г. Юдиным, чрезвычайно важна предварительная методологическая работа по специальному конструированию предмета исследования в качестве идеального объекта таких единиц анализа, которые были бы адекватны изучаемому предмету. На наш взгляд, именно такие единицы анализа — ценностные ориентации — удалось реконструировать А. И. Титаренко в процессе исследования исторических структур морального сознания. Ценностные ориентации — это устойчивые, инвариантные, определенным образом скординированные образования морального сознания, выражающие суть жизнепонимания, мировосприятия, самоустремленности, а опосредованно — наиболее общие социально-исторические условия жизнедеятельности человека. Изменения в ценностной структуре морального сознания — это прежде всего смена ведущей, основной ценностной ориентации. Ведущая ценностная ориентация выступает логическим центром «ценностно-мировоззренческой системы, максимально мыслимым «предельным» объяснения, благодаря чему она орга-

низует и оценочно-аналитическую и поисково-экспериментальную работу морально-го сознания. О возникновении общественно-исторической потребности в новом типе нравственного сознания в условиях развитого социализма свидетельствует то, что объяснительный и ориентационный потенциал прежней верховной ценностной ориентации оказывается уже недостаточным. Новая ведущая ценностная ориентация перестраивает всю систему моральных ценностей, изменяет их функции, характер связи между целями и мотивами деятельности, способ ориентации в социальном окружении. По своей логической форме она выступает как альтернатива, антитеза прежней ведущей ценностной ориентации: иначе она не могла бы «взорвать» и перестроить всю устаревшую систему ценностей. И лишь впоследствии, в более широком историческом контексте обнаруживается логика развития нравственных отношений и отраженная в развитии социально-нравственных идей, ценностных сдвигах в моральном сознании (например, идея социального неравенства — идея формального равенства в условиях фактического социального неравенства — идея подлинного, реального социального равенства).

Достаточно распространенное в нашей этической литературе определение моральных ценностей как понятий, норм, «логических конструкций» морального сознания, по существу, означает отождествление моральных ценностей с «языком» морали, что было бы допустимо лишь в том случае, если бы эти логические конструкции морального сознания адекватно отражали стоящую за ними реальность и имели бы одинаковый смысл для всех субъектов морали. Конечно, субъекты морали «говорят» на одном языке, и этот язык, понятийная система морали — менее всего изменяются в ней от эпохи к эпохе. Это единство морального языка (видимо, даже в большей мере, чем безличная форма моральных суждений) создает иллюзию единства, даже тождественности различных ценностных систем и моральных субъектов, а также иллюзию автономии морали как системы вечных, непреходящих и общезначимых ценностей, так называемых «Абсолютов». На самом же деле знаки, понятия морального языка потенциально допускают возможность различных интерпретаций, их содержание исторически переосмысливается, изменяется, углубляется, наполняется разным смысловым значением у людей различных социально-исторических типов. Теоретическая разработка вопроса ценностных ориентаций морально-го сознания как одного из аспектов более общей проблемы — специфики и структуры

морали даст исследователям более тонкий методологический инструмент познания нравственности, позволит более адекватно отразить то, что скрывается за изменчивой «феноменологией» морального сознания.

В. И. БАКШТАНОВСКИЙ (Тюмень). Среди злободневных «точек роста» этического знания и «откликов на новые запросы» практики, которым была посвящена дискуссия в журнале «Вопросы философии» № 2 за 1982 г., особого внимания заслуживают, на наш взгляд, активно заявившие о себе в последние годы этико-прикладные исследования. «Конечная продукция» прикладных исследований — экспертные оценки и заключения, эталоны и программы, кодексы и проекты, педагогические методики, а также специфические способы перевода теоретических результатов в управленческие решения. Определенный, возможно, дискуссионный, но, несомненно, требующий дальнейшего осмысления в нашей этике опыт разработки этико-прикладных методик и средств дал так называемый «тюменский эксперимент». Это попытка целевой научно-практической группы тюменских ученых и партийных работников совместно развернуть исследования по проблеме «Научное управление нравственным воспитанием в трудовых коллективах районов нового освоения» (координируемые программой «Нефть и газ Западной Сибири» Росминвуза и гуманитарной частью программы «Сибирь» СО АН СССР).

Среди первых практических результатов наиболее плодотворной оказалась разработка и применение метода этических деловых игр (игры: «Кодекс», «Аттестация», «План», «Экспертиза»). Наряду с исследовательскими целями этические игры, внедренные в ряде трудовых коллективов Тюмени в учебу идеологического актива, показывают значительный гуманистический и воспитательный потенциал: развивают самосознание коллектива, его общественное мнение, выявляют и скрепляют общие ценностные ориентации, сплачивают и мобилизуют на совершенствование нравственной жизни. Вплетение в сценарий игры диспутов, опыта самоанализа, экспертных оценок, процедур коллективного поиска и решения позволяет совершенствовать уровень демократичности в жизнедеятельности коллектива как объекта и субъекта воспитания.

В. А. БАЧИНИН (Белгород). Сама современная социальная действительность выводит сегодня теоретиков в сферу более широкую, чем собственно мораль, а именно — в сферу культуры, элементом которой мораль является. Думается, что пафос статьи

В. Т. Ефимова в том и состоит, чтобы указать этикам на ограниченность и бесплодность схоластического теоретизирования, избежать которого им, к сожалению, не всегда удается. Это и вопрос неуклонного увеличения размеров «поля» морально-этических исследований. И совершенно очевидно, что подобное увеличение вызвано не чем иным, как повышением роли и значимости нравственных начал в жизни развитого социалистического общества. На это нацеливает нас июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС, а это, в свою очередь, требует определенной перестройки исследовательской работы этиков. Одним из генеральных направлений этой перестройки является становящееся все более заметным в последние годы слияние теории морали с теорией культуры. Об этом свидетельствует неуклонное увеличение работ, рассматривающих мораль как культурно-исторический феномен, анализирующих проблемы моральной культуры общества и моральной культуры личности, ставящих вопросы о месте нравственных начал в культурном прогрессе человечества, о соотношении ценностей культуры и нравственности. Смыкание этики с культурологией раздвигает теоретический кругозор ученых-этиков, позволяет рассматривать мораль в контексте более широкой социальной системы — культуры, сообщает их работам дополнительные методологические и фактографические опорные точки.

Традиционный взгляд на мораль как на продукт конкретно-исторической системы общественных отношений позволяет постичь механизм социальной детерминации, обуславливающий становление и функционирование индивидуальной нравственности. В культурологическом же взгляде на мораль акцент ставится уже не на проблеме социальной детерминации от общества к личности, а на вопросах отдачи от личности к обществу. Внимание исследователя сосредоточивается на том, как из приобретенных личностью в ходе социализации социальных качеств, навыков, умений и духовно-нравственных богатств рождаются культурно-творческие способности. Проблема распределения духовно-нравственного потенциала личности в ценностях культуры крайне актуальна для общества.

Методологический подход к морали как к социокультурному явлению с его широким, «моралеведческим» захватом исходного материала не только открывает перед этиками возможности постижения особенностей воспроизводства и развития ценностей культуры, но и позволяет им интегрировать морально-этическую проблематику под углом зрения исторической

динамики нравственного самовозвышения общественного человека.

М. С. КИРСАНОВ (Новокузнецк). Всевозрастающая роль нравственности в развитии социалистического обществе ставит перед советскими этиками задачу более полного использования нравственного опыта, теории морали прошлого, в том числе отечественного этического наследия. Этические идеи Белинского, Чернышевского, Добролюбова давно стали объектом обстоятельных исследований и применяются в практике нравственного воспитания. Вместе с тем следует отметить, что в нашей этической литературе уделяется явно недостаточное внимание исследованию других направлений отечественной этической мысли. Недостаточное внимание к этическим идеям Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева и др. тем более недопустимо, что буржуазные советологи, философы, этики, социологи навязывают свое искаженное понимание творчества этих мыслителей-моралистов, играя на том, что высказывания последних были крайне противоречивы. Поэтому сейчас важно всесторонне и глубоко проанализировать этические воззрения Толстого, Достоевского, Соловьева, не вставая ни на путь их идеализации, неадекватного освещения (как было совсем недавно с наследием Н. Ф. Федорова), ни одного только отрицания, а определяя объективно-научное их значение в домарксистской мысли.

Надо иметь в виду, что Толстой, Достоевский, Соловьев и др. всегда были объектом пристального внимания наших идейных противников. И наибольший, надо прямо сказать, повышенный интерес их творчеству вызывало в переломные периоды истории. Так, сразу после второй мировой войны, когда роль Советского Союза на мировой арене резко возросла, буржуазные этики в общем тоне холодной войны использовали некоторые реакционные высказывания русских мыслителей, навязывая обывателю извращенное толкование дореволюционной этической мысли России. Особенно пробуждается интерес к русским мыслителям со стороны морализирующего антикоммунизма со второй половины семидесятых — начала восьмидесятых годов нашего столетия. И, видимо, корни «замысленного» отношения к этическому наследию этих мыслителей следует искать не столько в особенностях их учений о нравственности, сколько в изменившихся общественных отношениях капиталистического мира: нравственно принижается, обесценивается статус индивида, отчуждение личности принимает самые уродливые формы, получают вселенское распространение духовные лжеценности

и т. д. Именно поэтому верные своему классовому чутью буржуазные идеологи пытаются выпятить религиозность этических взглядов Толстого, иррационализм Достоевского, мистицизм Соловьева, применяя свои односторонние интерпретации к критике социалистического образа жизни, отечественного духовного наследия.

Поэтому-то так важно марксистское изучение этих мыслителей: «Было бы бессмысленным прямо заимствовать здесь что-то у Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского, так как в марксизме существует традиция собственного рассмотрения... проблем с позиций реального гуманизма. Однако многие относящиеся сюда идеи русских писателей возбуждают активную конструктивную работу мысли в направлениях, мало, к сожалению, развившихся применительно к анализу проблематики человека и его будущего. И это относится прежде всего к вопросу о нравственном смысле жизни человеческой как процесса совершенствования ее социальной сущности и духовных оснований»⁷.

Г. Ф. ПЕРЕРВА. В ходе современного идейного противоборства коммунистического и буржуазного мировоззрений все более важную роль приобретают этико-методологические проблемы анализа социального насилия, выявления, характеристики и оценки собственно нравственных аспектов этого сложного и многообразного социального феномена.

Эффективность научного исследования феномена насилия в истории непосредственным образом зависит от используемой методологии. Единственно продуктивным способом подхода к этому явлению оказывается его рассмотрение с позиций марксизма (философско-социологический и философско-этический его анализ). При этом философско-этический анализ, думается, существенно дополняет рассмотрение проблемы, поскольку насилие, как оно выступает в реальной действительности, имманентно морально значимо, ибо оно не существует вне определенного аксиоматического контекста.

Буржуазная «наука о насилии» — «вайоленсология» — рассматривает феномен социального насилия (и шире — феномен насилия вообще) в разных аспектах и в связи с самыми различными проблемами буржуазного общества: ростом преступности, терроризма, массового вандализма, садо-мазохизма в семье, расширением и обострением социальных конфликтов и т. д. и т. п. Заметным явлением в этом плане представляется предпринятое по

⁷ И. Т. Фролов. О жизни, смерти и бессмертии. «Вопросы философии», 1983, № 1, стр. 88.

инициативе ЮНЕСКО исследование группы ученых (ведущих западноевропейских специалистов по проблемам насилия), стремящееся охватить наиболее важные, по их мнению, связи и зависимости, ряд крупных работ по проблеме современного терроризма⁸ и др.

Накоплен огромный фактический материал, но, как отмечает большинство марксистских исследователей, изучающих данный круг проблем⁹, сегодня, как и десятилетия назад, буржуазная «вайоленсология» топчется в области «кажущихся зависимостей» (и тогда, когда исследования ограничиваются областью эмпирических фактов, и тогда, когда делаются попытки теоретического, философско-этического осмысления данных опыта). Отсутствие сколько-нибудь значительных результатов в исследованиях «вайоленсологов» определяется прежде всего рядом присущих им общих методологических изъянов, таких, как антиисторизм, эмпиризм, натурализм, буржуазный «объективизм» и т. п., обусловленных сходным классовым положением этих ученых, их, по сути дела, апологетической миссией по отношению к «истаблишменту», частью которого они являются, независимо от субъективных намерений каждого из них. При этом возрастает удельный вес работ, с одной стороны, фиксирующих ценностный аспект всех проявлений социального насилия и, таким образом, необходимость и значимость их этического рассмотрения, с другой стороны, логика классового буржуазного интереса в современных условиях выше интересов нравственности все чаще ставит интерес сильного авторитарного буржуазного государства. В политическом плане этому соответствует сдвиг вправо, в нравственном — «институциональное насилие» предпочитается официальной идеологией всякому другому как меньшее из зол. Данная тенденция представляется нам наиболее опасной и заслуживает стать не единственным, но первоочередным объектом марксистской философско-этической критики.

Н. А. ШВАРЦМАН. Буржуазные исследователи признают, что этическая мысль Запада сейчас вновь, как в начале века, поκειται на «одной или даже нескольких ошиб-

⁸ Violence and its Causes. G. M. Domenech, H. Laborit....— P., UNESCO, 1981; «Terrorism: Theory and Practice». (Ed. by J. Alexander.— Boulder (Col.), 1979; J. W. Burton. Deviance Terrorism and War: the Process of Solving Unsolved Social and Polit. Problems. N. Y., 1979.

⁹ См. работы Л. А. Нечипоренко, Ю. В. Согомонова, А. И. Титаренко, В. Холличера, С. А. Эфирова и др.

бах». Причем одни из них верят, что гарантией преодоления этих ошибок и обретения этикой прочной научной основы служит разрабатываемый ее представителями новый подход к определению рациональной основы морали. Другие связывают будущее этики с тем поворотом, который намечился в ней с конца 60-х годов, имея в виду отказ буржуазных философов видеть лишь в метаэтике, в ее специфических проблемах предмет этики и приветствуя переход к анализу нормативных проблем.

Само по себе обращение буржуазных школ в этике к нормативным проблемам — факт, несомненно, важный для выявления объективных процессов, происходящих в духовной жизни Запада. Нестабильность капитализма, углубление морального кризиса, потеря людьми веры в необходимость и возможность в своем поведении исходить из определенных моральных принципов — вот что в первую очередь побуждает философов конструировать различные нормативные системы этики. В качестве морального кредо этих систем выступают принципы справедливости, всеобщего блага, автономии личности и др., призванные, по мнению авторов этих систем, вернуть буржуазному миру утраченные ценности. Эти явления (поднимаемые на щит различными слоями буржуазной интеллигенции) требуют нашего серьезного осмысления и аргументированной критики. Необходимо выявить реальный смысл основных установок, лежащих в основе тех или иных нормативных систем, показать тот разрыв, который существует между построениями философов и реальными потребностями масс в формировании новой морали.

Одно из первых мест в дискуссиях представителей различных школ в этике занимает проблема рационального обоснования морали. Это понятно, поскольку речь идет о выработке критерия оценки предлагаемых ими отправных принципов морали, как и в целом различных нормативных систем этики. Рациональным моментом в теоретических исследованиях по этому вопросу является то, что буржуазные философы уже не связывают рациональную основу морали с «языком морали». Как правило, они связывают эту основу с моральным выбором личности. Казалось бы, что найден путь для определения рациональной основы морали. Но тщательный анализ факторов, детерминирующих моральный выбор личности (имея в виду точку зрения буржуазных исследователей), обнаруживает, что решение проблемы рациональной основы морали мало продвинулось, поскольку моральный выбор связывается преимущественно с внутренним миром личности.

Мы хотим также обратить внимание на

тот интерес, который в последнее время представители буржуазной этики уделяют такой важной проблеме, какой является проблема нравственного воспитания, ее философский аспект. В этой связи буржуазные исследователи предпринимают попытки провести разграничение между содержанием предмета философии воспитания и теорией воспитания, определить место этики в разработке философских основ воспитания. Постановка этих вопросов имеет важное значение для совершенствования процесса нравственного воспитания. Определились среди буржуазных исследователей и различные концепции философии воспитания. Причем наибольшим влиянием пользуются концепции, именующие свой подход к проблеме воспитания «новым гуманизмом», который по своему существу противопоставляется марксистской концепции формирования нового человека. Не отрицая важности постановки ряда вопросов, мы сталкиваемся в этих концепциях с новыми, более сложными формами защиты ценностей буржуазного мира. Основная цель этих концепций заключается в том, чтобы воспитать у человека познавательные и психологические механизмы, способствующие его лучшей адаптации к существующему строю. Таким образом, при всем стремлении создателей этих концепций к «нейтральности» они занимают определенное место в современной идеологической борьбе, и наша задача обстоятельно это положение аргументировать. А главное — критика наша должна исходить из четких марксистских позиций по сложным вопросам теории морали.

В. Ш. САБИРОВ (Уфа). В современной буржуазной литературе наблюдается возрастание интереса к проблеме смерти. Развивается целая отрасль знания танатология. Главную свою задачу танатологи видят в том, чтобы помочь человеку побороть страх смерти, который признается сущностной, родовой характеристикой человека. Многие танатологи, стремясь решить поставленную задачу, приходят к выводам о существовании жизни после смерти, которым придается характер строго научных данных. Это обстоятельство обуславливает актуальность марксистского этико-философского исследования проблемы смерти.

С эмпирической точки зрения смерть практически во всех своих разновидностях содержит ряд общих моментов: ей предшествует общая слабость организма, вызванная его истощением болезнью, ранением, голодом и т. д., что резко снижает эмоциональную активность индивида. Такие сильные эмоции, как страх, фактически не наблюдаются, когда наступает состояние апатии, покоя. Смерть имеет зна-

чение для человека лишь тогда, когда в нем еще не иссякли жизненные силы, сохраняется жажда жизни и деятельности. Следовательно, человек имеет дело не со смертью как биологическим явлением (собственная физическая смерть, в отличие от жизни, не дана человеку эмпирически), а с мыслью о смерти. Поскольку она значима для него, смерть является ценностным понятием. Ни одна ценность не существует сама по себе, изолированно. Как таковая, она проявляется в оценке субъекта, которая возможна только при сравнении, сопоставлении по меньшей мере двух оцениваемых объектов. В данном случае в качестве сравниваемых объектов (ценностей) выступают жизнь и смерть, а в качестве критерия оценки — понятия блага и зла. Не всякая жизнь благо, и не всякая смерть — зло. Жизнь и смерть поэтому оказываются включенными в более широкий круг моральных ценностей. Сквозь призму этих моральных ценностей человек и воспринимает собственную смерть, через них определяется его отношение к ней. Структура моральных ценностей исторически изменчива, следовательно, и отношение к смерти изменялось от эпохи к эпохе, от одной культуры к другой. Отношение к смерти зависит и от того, какое преломление получает система ценностей общественной или классовой морали в индивидуальном сознании, от степени усвоения индивидом требований этой морали, от уровня его моральности.

Человек как социальное существо не может существовать вне и без общества, других людей. Мораль, являясь одной из форм социальной связи, служит упрочению связей между людьми, между человеком и обществом. Нарушение этого типа социальной связи возможно при разрушении той или иной системы морали, моральных ценностей общества или класса. В этих кризисных ситуациях, когда рвутся привычные связи между людьми, индивид испытывает состояние заброшенности, пустоты, одиночества. Тогда и актуализируется проблема смерти. С наибольшей силой подобный кризис переживался в позднеантичном обществе. Современная буржуазная мораль также переживает состояние углубляющегося кризиса. Признаками его выступают такие нравственно-психологические явления, как моральное отчуждение, одиночество, чувство бессмысленности существования и усиление страха смерти. Эти явления и служат социальной основой

обострения интереса к теме смерти в духовной культуре буржуазного общества, развития современной танатологии.

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. В редакцию журнала «Вопросы философии» поступили также разнообразные отклики, авторы которых присоединяются к тем или иным точкам зрения о предмете и перспективах развития этики. Некоторые из них выделяют и свои, особые аспекты подхода к этим проблемам. Так, **Р. Г. Абдулатипов** (Мурманск) считает, что созидательная, преобразующая сила этики должна обеспечивать ее единство как философской дисциплины, определяя своим развитием как процессом и ее структуру. **С. Е. Зак** (Одесса) подчеркивает необходимость продолжения разработки вопроса о применимости понятий истинности и ложности к моральным суждениям. **Г. И. Начебия** (Тбилиси) считает, что состоявшийся на страницах журнала обмен мнениями о путях развития этики доказывает необходимость выделения в юридической науке особой «философии права»: «Сопоставление положения дел в этике и правоведении показывает, что перед этиками ставится проблема обоснования частной науки о морали (наряду с этикой), а перед советскими правоведами — наоборот, обоснование философии права (наряду с правоведением)».

В журнале «Философская мысль» (София, 1982, № 10) была опубликована содержательная статья **М. Лазарева** (НРБ), отмечающего большую методологическую и практическую роль разработки поднятых журналом проблем в этике, их дискуссионный характер, различные «за» и «против» каждой из высказанных точек зрения. Содержательные отклики появились также на страницах журналов других социалистических стран: ВНР, ГДР и др. Реферативное изложение обсуждавшихся советскими этиками проблем появилось также в научных изданиях Канады, США, Финляндии и др.

Этот интерес к проведенной журналом дискуссии не случаен. Он показывает, что ее участникам удалось выявить комплекс проблем, звучащих актуально и имеющих своевременный характер. Представляя сегодня «панораму идей в советской этике», выявляющую новые аспекты затронутых проблем, редакция рассчитывает продолжить обсуждение поднятых вопросов.